

мануфактура

МЫ БОЛЬШЕ ЧЕМ ЧАСОВАЯ МАРКА ХАМДИ ШАТТИ, LOUIS VUITTON

У Хамди Шатти две специальности — микромеханика и менеджмент, то, что нужно для того, чтобы руководить часовым производством. Он начинал работать в Piaget, Harry Winston и Montblanc, а с 2010 года управляет производством часов и ювелирных изделий в Louis Vuitton в качестве директора отделения Montres et Joaillerie. Мы встретились с ним на только что открытой в Женеве (об этом см. стр. 52) новой мануфактуре La Fabrique du Temps Louis Vuitton.

— Под вашим руководством в Louis Vuitton делают украшения и часы. В Париже с украшениями вы на Вандомской площади, здесь, с часами — вы в Женеве. Там — в гнезде ювелиров, здесь — в гнезде часовщиков, что нового Louis Vuitton может добавить одним и другим?

— Вандомская площадь очень консервативное, традиционное, прямоугольное, я бы сказал, место. Хотя и очень впечатляющее, конечно. Наша роль — сделать эту площадь более популярной, немного приблизить ее к публике.

— Вы это отчасти сделали вашими очень веселыми и очень художественными витринами. По сравнению с ними у ваших соседей все как-то скучнее.

— Я думаю, нам надо это развивать и дальше. Вандомская площадь несколько окаменела в своем величии. Мы хотим придать ей современности, динамики. И не только с помощью витрин, но и с помощью вещей, которые делают наши ювелиры, вещей, которые вы должны носить не только по особым случаям, но и каждый день.

— Ну а какова задача Louis Vuitton в Женеве? Зачем вы построили здесь целую фабрику?

— Мы хотим создавать часы, которые поддерживали бы традицию часового искусства и по-новому показывали бы время. Главное, чтобы новизна была не только внешней, но рождалась вместе с механизмом и дизайном часов.

— Значит ли это, что вы, как и многие другие марки, взяли курс на необычные, забавные, так называемые игровые усложнения.

— Тут есть два направления. Отвязанный эксперимент, представленный, например «Опусами» Harry Winston, к которым я, как вы помните, тоже приложил руку. Это отчасти разрушение традиции. Другое направление — слепое ей следование. И то и другое — не наше. Репетиры, турбийоны, вечные календари — это прекрасно, это классика, но мы должны в каждом из усложнений находить что-то свое, что-то соответствующее нашей марке.

— Приведите же пример.

— Louis Vuitton любит путешествия. И вот вам многоцветный Escale Worldtime с его удивительной системой мирового времени. Или Tambour Repetition Minutes — репетир с двойным часовым поясом, который, где угодно, стоит вам только захотеть, отзвонит вам домашнее время, время страны, где вы живете.

— В группе LVMH, в которую входят такие чисто часовые марки, как Hublot, Zenith, TAG Heuer, есть объединяющее их подразделение, которым руководит Жан-Клод Бивер. Почему вы ему не подчинены?

идеи рождаются внутри марки,
ими я ни с кем не готов делиться

© MAZEN SAGGAR / LOUIS VUITTON

— Louis Vuitton,
Escale Worldtime, 2014

— Потому что мы больше, чем часовая марка. В бутики Louis Vuitton люди приходят отнюдь не только за часами, поэтому не все подходы, полезные для часовых марок, применимы к нам.

— Чья была идея купить бюро концептуального проектирования часов La Fabrique du Temps и сделать его частью Louis Vuitton?

— Это был мой проект, но мой тогдашний шеф, бывший президент компании Ив Карсель, очень меня поддержал. Он поверил мне в том, что La Fabrique du Temps нам действительно нужна.

— Мануфактура La Fabrique du Temps отпочковалась от концептуального бюро BNB. Почему вы не обратились к BNB?

— Его к тому времени уже не существовало, а остатки взяла к себе марка Hublot.

— То есть BNB вы поделили между собой. Было три человека — Энрико Барбазини, Мишель Нава и Матиас Бютте. Теперь BN — Барбазини и Нава — у вас, а В, Матиас Бютте, — у родственной марки Hublot. Может, их стоит снова соединить?

— Не думаю, что это было бы правильным решением. Может быть, неплохо объединять усилия в инженерии, производстве, но идеи рождаются внутри марки, они связаны с ее идентичностью. В области осуществления мы часто сотрудничаем, мы покупаем, например, у Zenith их знаменитый механизм El Primero. Но идеями и концепциями я делиться не готов.

— Собираетесь ли вы разработать по примеру многих других базовый механизм для Louis Vuitton?

— Нет. У нас не такие объемы, нам вполне хватает первосортных механизмов нашей группы. У нас есть зенитовский Elite, у нас есть мануфактурный механизм, который производит TAG Heuer, в общем, вот этот вопрос вам как раз надо задать господину Биверу.

— Почему вы выбрали Женеву и ее коммуну Мейран, а не остались в Ла Шо-де-Фоне, где раньше располагалась La Fabrique du Temps?

— У нас было три адреса. Был Ла-Шо-де-Фон, уже был Мейран, да и в Женеве у нас были еще помещения. Мы решили собрать все под одной крышей, подсчитали затраты и поняли, что лучше переезжать из Ла-Шо-де-Фона в Женеву, чем наоборот.

— Теперь вы можете претендовать на «женевское клеймо», Poincone de Geneve, которое дается только часам, производящимся в кантоне?

— Вы правы, но это не было аргументом номер один. Женеве — международная столица часового искусства, мы выступаем с намерением изменить традицию в часовом искусстве, где же нам быть, как не здесь?

Беседовал Алексей Тарханов